

«КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ ЦАРЬ И ВЕРБЛЮД»: ДЕРЖАВИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ И. А. БРОДСКОГО «24 ДЕКАБРЯ 1971 ГОДА»

Денис Петрович Муравлёв

студент Московского городского педагогического университета
129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1
muravlev.d@mail.ru

Для цитирования: *Муравлёв Д. П.* «Каждый сам себе царь и верблюд»: державинская традиция в стихотворении И. А. Бродского «24 декабря 1971 года» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2021. № 1 (3). С. 104–112. DOI: 10.31802/WI.2021.3.1.010

Аннотация

УДК 2-291

В статье проводится сопоставление оды Г. Р. Державина «Бог» и стихотворения И. А. Бродского «24 декабря 1971 года» с точки зрения тематики, стилистики и композиции, а также определяются черты, позволяющие говорить о державинской традиции в данном стихотворении Бродского.

Ключевые слова: традиция, художественный образ, И. А. Бродский, Г. Р. Державин, рождественский сюжет, мотив.

Космыслению державинской традиции в творчестве И. А. Бродского не раз обращались исследователи, в числе которых были М. Ю. Лотман¹, А. М. Ранчин², А. Левицкий³, В. П. Скобелев⁴, И. А. Снегирев⁵. Чаще всего внимание учёных уделяется параллели между стихотворениями Державина и Бродского, написанными на смерть выдающихся полководцев своей эпохи — А. В. Суворова и Г. К. Жукова. Цикл «Рождественские стихи» при этом вниманием этих учёных не охватывался.

Сам Бродский не раз, хоть и с некоторой отстранённостью, говорил о поэтах, оказавших влияние на его творчество. Например, о влиянии Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама и Пастернака в интервью немецкой переводчице Б. Файт (Лондон, 1991) он сказал следующее: «...эти стихи, грубо говоря, вошли в меня, то есть они — часть моего сознания, и не только, часть моего метрического мироощущения»⁶. Если почитание Бродским творчества этих четырёх великих поэтов XX столетия является фактом широко известным, то его отношение к более ранним предшественникам — за исключением, разве что, часто упоминаемого им в этой связи Е. Боратынского — есть факт не столь изученный. Однако в том же лондонском интервью поэт, говоря уже о русской литературе XVIII в., заключает: «Кантемир и Державин чрезвычайно важные для меня господа, они на меня очень сильно повлияли». Как заметил об этом А. М. Ранчин, для «поэтической самоидентификации Бродского значима именно соотнесённость со стихотворцами XVIII столетия — Кантемиром и Державиным...»⁷. Нас интересует вопрос о державинской традиции в стихотворении «24 декабря 1971 года».

В понимании литературной традиции мы опираемся на исследования В. М. Жирмунского, который «разграничил понятия литературной

- 1 Лотман М. Ю. На смерть Жукова (1974) // Как работает стихотворение Бродского / ред. Л. Лосев, В. Полухина. М., 2002. С. 65–75.
- 2 Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/P/ranchin-andrej-mihajlovich/na-piru-mnemozini-interteksti-iosifa-brodsкого/4>.
- 3 Левицкий А. Державин, Гораций, Бродский (Тема «бессмертия») // XVIII век / ред. Н. Д. Кочеткова. Сб. 21. СПб., 1999. С. 260–267.
- 4 Скобелев В. П. «На смерть Жукова» И. Бродского и «Снигирь» Г. Державина (к изучению поэтики пародического использования). URL: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1999web1/litr/199910601.html>.
- 5 Снегирев И. А. Донн и Державин в восприятии И. Бродского // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 154–156.
- 6 Померанцев И. Я. Монологи поэта. URL: <https://www.svoboda.org/a/27016363.html>.
- 7 Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины». URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/P/ranchin-andrej-mihajlovich/na-piru-mnemozini-interteksti-iosifa-brodsкого/4>.

традиции, литературного влияния и литературного заимствования»⁸. Под «влиянием» исследователь понимает «более общее воздействие художественной манеры...», в то время как в «заимствовании» наблюдается «перенесение определённого конкретного мотива». Что касается «традиции», то здесь «ученым позиционированы такие аспекты стилеобразования, как тематика (мотивика), композиция и стилистика»⁹. Именно в этом ключе, с опорой на позицию В. М. Жирмунского, мы рассматриваем термин «традиция».

На наш взгляд, ряд художественных образов стихотворения И. А. Бродского «24 декабря 1971 года» прямо восходит к оде Г. Р. Державина «Бог». Но для начала обратим внимание на рифмовку:

*О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.*

Державин использует типичную для оды рифмовку в десятистрочной строфе: четверостишие с перекрестной рифмой (абаб), затем двустишие со смежной (аа) и четверостишие с кольцевой (абба).

В стихотворении «24 декабря 1971 года» мы наблюдаем шестистрочную строфу:

*В Рождество все немного волхвы.
В продовольственных слякоть и давка.
Из-за банки кофейной халвы
Производит осаду прилавка
Грудой свертков навьюченный люд:
Каждый сам себе царь и верблюды.*

Мы видим, что Бродский — осознанно или нет — использует ту же рифмовку, исключив из построения строфы последнее четверостишие

8 Лоскутникова М. Б. Теория и практика компаративистики в трудах В. М. Жирмунского // Русистика и компаративистика. Сборник научных статей. М., 2012. С. 19.

9 Там же. С. 19.

и оставив, соответственно, четверостишие с перекрёстной (абаб) и двустишие со смежной (аа) рифмой. Этот факт, разумеется, не означает, что стихотворение приобретает тем самым черты оды, но определённого рода композиционная параллель с державинским «Богом» здесь очевидна. Отметим, что метрическая форма обоих произведений постоянна.

Что касается стилистических аналогий, то в стихотворении Бродского уместно выделить, пожалуй, единственный пример подобия державинскому слогу: «...уж воля благая / в человеках видна издали...». Архаичная форма «в человеках» подобна тем, которыми наполнена ода «Бог» («сочесь пески», «солнцы от тебя родятся», «Лучи животворящи льют» и так далее). Кроме того, наблюдаемые инверсии «костры пастухи разожгли», «из тумана ночного густого» нас также отсылают к подобным конструкциям у Державина: «океан глубокий», «ум высокий», «Светил возжённных миллионы».

В стихотворении «24 декабря 1971 года» Бродским изображен собирательный портрет его современника. На смену человеку просвещённому, тянущемуся к знанию и вере (именно таков образ человека в оде Державина), пришёл совсем иной тип. Если у Державина речь о Боге идет как о явлении неоспоримом и базовом («Я есмь — конечно, есть и Ты!»), как об «Отце», неоспоримо существующем, хоть и незримом, изобразить и представить которого «воображения бессильны», — то здесь «мы не знаем примет» Господа. Теперь человека заботят не планеты, звезды и вселенная, но «сетки, сумки, авоськи, кульки». Интересны в этой связи прямые переключки с конкретными тезисами «доказательства бытия Божия» у Державина. Если он восклицает, обращаясь к Богу «Ты есть!», потому что так «гласит мое мне сердце», то у Бродского мы видим совершенно обратное: «...сердца / могут вдруг не признать пришельца», «Кто грядет — никому непонятно». У Бродского как бы сплетаются два времени: 70-е гг. XX в. и время Рождества Христова. В обстановку продовольственных магазинов, транспорта и дворов вплетены и каноничная (но пока пустая) пещера, и Вифлеем, и пастухи. Как и человеку дохристианской эпохи, язычнику, «непонятно», кто грядет, так и советскому атеисту, утратившему веру, тоже «непонятно», что сейчас празднует весь мир.

О самоопределении говорит и строка оды «Я царь — я раб — я червь — я Бог!». Конструкция целиком делится на две части: 1) «Я царь — я раб» и 2) «я червь — я Бог». Стоит обратить внимание, что «не только последнее определение “я” (“Богъ”), но и первое (“Царь”) в следующей же строфе непосредственно соотносится именно с Богом: “Душа души

моей и Царь»¹⁰. Потому и «раб» здесь допустимо трактовать как «раб Божий». Дополним, что противопоставление «я царь — я раб» вариативно по смыслу — от восприятия с точки зрения социального положения до более метафоричного толкования. Державин, вероятно, изображает момент самопознания, философского раздумья лирического героя: «Я царь (судьбы), но раб (страстей)», что является обыденными приметами жизни любого человека. Тогда вторая часть — «я червь — я Бог» есть развитие этой мысли до метафизического уровня. Прибегнув к метонимии, поэт рассматривает человека уже в загробной жизни: «я червь», то есть «я в могиле». Именно в этой части мы наблюдаем «рубеж» между двумя формами бытия человека — тело его истлевает, физическая жизнь кончена, но продолжается вечная жизнь души. И в этой связи логично финальное звено конструкции — «я Бог». С помощью метонимии Державин говорит именно о том, что образ Божий есть та данность, которая заключена в любом человеке, о необходимости устремления людей на протяжении всей жизни тянуться к Господу, чтобы приблизиться к главной цели — подобию Его. Таким образом, державинская строка «Я царь — я раб — я червь — я Бог!» поделена на две части, являющиеся, наверное, самым кратким в истории философской мысли метафорическим и метонимическим описанием жизни и посмертного существования человека.

В анализируемом стихотворении Бродского мы видим аллюзию на эту строку державинской оды:

*Из-за банки кофейной халвы
Производит осаду прилавка
Грудой свертков навьюченный люд:
Каждый сам себе царь и верблюд.*

Бродский большое внимание уделяет атрибутам эпохи, мышлению современников. В этой связи и определяется, в данном случае, семантика слова «царь». За отсутствием Бога в парадигме мировоззрения советского гражданина 70-х гг. прошлого века, «царём», могущем обращать реки вспять, строить города и, напротив, уничтожать поселения, — представляется сам человек, якобы обуздавший природу и собственную судьбу. Тем абсурднее кажется эта жизненная позиция, чем большее внимание мы уделяем стоящим рядом со словом «царь» слову «верблюд» и эпитету «навьюченный» по отношению к верблюду.

10 Есаулов И. А. Ода Г. Р. Державина «Богъ»: новое понимание // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 55.

Верблюд отождествляется в сознании с бесцеремонно плюющимся упрямым животным, которое является далеко не доминирующим и вольным созданием, а скорее обслуживающим. Разговорное слово «люд» также не способствует нарастанию пафоса, но, напротив, заранее придает более сниженную коннотацию следующей строке. Таким образом, перед нами предстаёт образ воинственного («производит осаду»), невежественного и нагруженного «грудой свертков» человека, мнящего себя могущественным и важным.

Однако, поскольку стихотворение «24 декабря 1971 года» написано в контексте рождественского сюжета, то и образы необходимо трактовать в соответствии с ним. Центральным для первых трех строф стихотворения является образ волхвов. Мы знаем, что волхвы, согласно Евангелию, поднесли дары: золото, ладан и смирну — новорожденному Христу. А. Ю. Сергеева-Клятис, отмечая, что «вместо того чтобы <...> готовить подарки новорожденному младенцу Христу, люди подносят их самим себе»¹¹, указывает на самопровозглашение человека Богом в этом стихотворении Бродского. С позицией исследователя согласиться сложно. С нашей точки зрения, здесь рождественские (а для советских граждан — скорее, новогодние) «скромные дары» в виде, например, «банки кофейной халвы» (придающий, как справедливо отмечено в той же работе А. Ю. Сергеевой-Клятис, стихотворению восточный колорит) «волхвы» будут преподносить хоть и не Христу, но и никак не самим себе. Важно понимать, что «дары», в любом случае, будут преподноситься ближнему своему, что в своей сути равнозначно преподнесению их Богу: «И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). В третьей строфе у Бродского мы видим описание разносчиков этих даров:

*И разносчики скромных даров
В транспорт прыгают, ломятся в двери,
Исчезают в провалах дворов...*

Люди, закупившись подарками, разъезжаются и не просто «исчезают в провалах дворов», но, очевидно, несут подарки своим близким (и дальним), чтобы поздравить их. Таким образом, люди, описываемые в стихотворении Бродского, всё равно делают — пускай хоть и неосознанно — шаг навстречу Богу.

11 Сергеева-Клятис А. Ю. «Свет ниоткуда»: к прочтению стихотворения И. Бродского «24 декабря 1971 года». URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200100106>.

Далее Бродский вводит образ еще одного царя (уже по статусу) — Ирода. Читаемая в контексте эпохи яркая метафора мужей-пьяниц («Ирод пьет»), от которых «бабы прячут ребят», ярко соотносится с ролью Ирода в Рождественском сюжете, где царь Иудеи, узнав о рождении Христа, приказал убить всех детей до двух лет.

Мотив пустоты в стихотворении Бродского («...пусто в пещере», «Пустота») является сквозным равно так же, как мотив вездеприсутствия Божия в державинской оде («Кто все собою наполняет», «Себя собою составляя», «Ты во мне сияешь»). Замечателен, в связи с этим, факт обратной пропорциональности пространства внешнего и внутреннего в обоих произведениях. У Державина душа человека «наполнена» Богом, а пространство внешнее — безгранично: «Частица целой я вселенной». У Бродского всё наоборот: внутри человека безграничная пустота, но при этом внешне он помещён в условия максимально тесные («В продовольственных слякоть и давка»). Душевная наполненность / опустошённость лирического героя влияет на обстановку вокруг него не только с точки зрения пространства, но и со стороны восприятия им погодных условий. Обратим внимание на то, как описывается зима в произведениях: «слякоть», «...не видно тропы / в Вифлеем из-за нежной крупы», «Валит снег» в стихотворении Бродского, но «Как в мразный, ясный день зимой / Пылинки инея сверкают, / Вратятся, зыблются, сияют...» в державинской оде. В стихотворении снег тяжёлый, он именно «валит», создаёт препятствие, в то время как в оде подчёркивается лёгкость вращающихся снежинок и «пылинок инея». У Бродского на протяжении всего стихотворения изображаются условия чрезвычайно агрессивные: человеческая давка в магазине и транспорте, «трубят трубы кровель», сквозняк. Державин же, напротив, создаёт атмосферу некоего «экзистенциального тепла»: окружающий мир поддерживает человека, а не усугубляет его положение. Корень такой разницы в восприятии действительности видится именно в мировоззрении, в котором одиночество и внутренняя пустота способствует деструктивному и болезненному ощущению воздействия среды. В то время как у Державина лирический герой, как и любой человек вообще, не одинок, поскольку у него есть главное — Бог, беспредельный и независимый от пространственных условий, и вера.

Также примечательно, что поэты отождествляют душевную наполненность со светом. В тексте Державина многократно говорится о свете, имеющем обязательно божественное происхождение: «От света твоего рожденны», «Собою из себя сияя, / Ты свет, откуда свет истек», «Иль вкупе все светящи миры». В стихотворении Бродского действие

разворачивается в тёмное время суток (зимой темнеет рано, и именно «из тумана ночного» в финале появится «фигура в платке»), и начинающийся переход к преображающему финалу подкрепляется возникновением того же света. Перед первым намеком на оптимистическую развязку стихотворения — «Знал бы Ирод, что чем он сильней, / тем верней, неизбежнее чудо» — возникает «как бы свет ниоткуда». Этот свет, несомненно, имеет божественное происхождение, ведь сам Христос сказал: «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Ин. 12, 46). Далее, когда говорится о том, что в людях видна «воля благая» (предтеча «потребности в звезде»), — пастухи разжигают костры, которые, очевидно, должны тоже осветить пространство. Появление в конце стихотворения «24 декабря 1971 года» спасительного света говорит об оптимистичном характере этого произведения.

Наконец, нельзя не обратить внимание на ещё одну важную параллель: заключительная строфа и в том, и в другом случае с точки зрения пространства уводит нас вверх — у Державина люди почитают Бога тем, что возвышаются к Нему, а у Бродского — «смотришь в небо и видишь — звезда», что снова отсылает нас к оригинальному рождественскому сюжету, где путь волхвов к дому, в котором они нашли Христа, освещала звезда (Мф. 2, 9–10). В конце стихотворения «24 декабря 1971 года» лирический герой всё-таки заполняет внутреннюю пустоту Богом («и Младенца, и Духа Святого / ощущаешь в себе без стыда»), благодаря чему приближается к образу человека из оды Державина. Таким образом, Бродский показывает, что даже через «слякоть и давку» в магазинах обезбоженного советского мира потребность людей в богообщении всё равно просыпается и проявляется в рождественские дни. Несмотря ни на что, человек в любые времена имеет необходимость в богообщении, и даже своей прозаичной беготнёй по магазинам за продуктами он встречает и славит Христа.

Источники

Бродский И. А. Стихотворения. Мрамор. Набережная неисцелимых. СПб.: Азбука, 2018.
Державин Г. Р. Сочинения. М.: Правда, 1985.

Литература

Есаулов И. А. Ода Г. Р. Державина «Богъ»: новое понимание // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 45–67.

- Левицкий А. Державин, Гораций, Бродский (Тема «бессмертия») // XVIII век / ред. Н. Д. Кочеткова. Сб. 21. СПб.: Наука, 1999. С. 260–267.
- Лоскутникова М. Б. Теория и практика компаративистики в трудах В. М. Жирмунского // Русистика и компаративистика. Сборник научных статей / ред. М. Б. Лоскутникова. М.: МГПУ, 2012. С. 18–31.
- Лотман М. Ю. На смерть Жукова (1974) // Как работает стихотворение Бродского / ред. Л. Лосев, В. Полухина. М.: Новое Литературное Обозрение, 2002. С. 65–75.
- Померанцев И. Я. Монологи поэта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/27016363.html> (дата обращения 30.01.2021).
- Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского. [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/P/ranchin-andrej-mihajlovich/na-piru-mnemozini-interteksti-iosifa-brodskogo/4> (дата обращения 30.01.2021).
- Сергеева-Клятис А. Ю. «Свет ниоткуда»: к прочтению стихотворения И. Бродского «24 декабря 1971 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200100106> (дата обращения 30.01.2021).
- Скобелев В. П. «На смерть Жукова» И. Бродского и «Снигирь» Г. Державина (к изучению поэтики пародического использования). [Электронный ресурс]. URL: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1999web1/litr/199910601.html> (дата обращения 30.01.2021).
- Снегирев И. А. Донн и Державин в восприятии И. Бродского // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 154–156.

**«Everyone is His Own King and Camel»:
the Tradition of Derzhavin in the Poem
by J. Brodsky «December 24, 1971»**

Denis P. Muravlev

student of Moscow City University
4, building 1 Vtoroy Selskohoziastvenny proezd,
Moscow 129226, Russia
muravlev.d@mail.ru

For citation: Muravlev, Denis P. “«Everyone is His Own King and Camel»: the Tradition of Derzhavin in the Poem by J. Brodsky «December 24, 1971»”. *Word and Image, Questions of the Christian Literary Heritage Studying*, No. 1 (3), 2021, pp. 104–112. DOI: 10.31802/WI.2021.3.1.010

Abstract. The article compares the ode of G. Derzhavin «God» and the poem of J. Brodsky «December 24, 1971» from the point of view of themes, stylistics and composition, and also identifies features that allow talking about the tradition of Derzhavin in this poem by Brodsky.

Keywords: tradition, artistic image, J. Brodsky, G. Derzhavin, Christmas plot, motive.